

• 06/2001 СЛЕДИ ЗА ЖЕЛАНИЯМИ!

ПОТЮЧ

С О П Н Е С Т И О Н

ВСЕ ТВОИ
РАЗВЛЕЧЕНИЯ:
КУДА ДЕТЬСЯ
ЛЕТОМ?

ВЕСЕЛОЕ
ВОСКРЕСЕНИЕ
ЭНДИ
УОРХОЛА

ЛУЧШИЕ СИЛЫ
ПОРНО

«РАСХИТИТЕЛЬНИЦА ГРОБНИЦ»

АНЖЕЛИНА ДЖОЛИ

«ПЛАНЕТА ОБЕЗЬЯН»
«МУЛЕН РУЖ»
«МУМИЯ-2» И
«ИСКУССТВЕННЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТ»

НОВЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПОДОЛКОВ
В ЛОНДОНЕ

КАЛОЭЙРА -
GENE FARRIS
ДЖИМИ ТЕНОР
ВИВЬЕН ВЕСТВУД

ISSN 1560-3601

9 771560 360989 >

КЛУБ

АТЕИСТОВ

СВЕТЛАНА САЧКОВА

Я старалась не замечать. Я говорила себе: зачем ты из всего создаешь проблему? Надо быть оптимистичней, смотреть чуть дальше сегодняшнего дня – иногда это полезно. Привыкла жить в свое удовольствие, в полнейшем психологическом комфорте, а чуть маленькая неприятность – так уж и не помнишь, как можно в таком случае жить продолжать... Потом я успокаивала себя тем, что это всего лишь черная полоса. Давненько у меня их не было, но ведь наивно было бы полагать, что именно у меня их не должно быть. А еще чуть позже я уже не находила, чем бы еще себя обнадежить.

Все, начиная с пустяков и завершая обширными жизненными стратегиями, любовно мною выпестованными, оказывалось несостоятельным, разваливалось, лопалось, обнажая подгнившую середину, утекало с шипением и бурунчиками. Захотела я, к примеру, пойти в тир и пострелять из настоящего пистолета. Интересно же. А в Америке вроде все можно попробовать, если деньги есть. Открываю желтые страницы, звоню в тир – и вот те раз, для того, чтобы просто пострелять, нужна лицензия на владение оружием. Вот и постреляла. Примерно то же случилось и с прыжками с парашютом: ни в одно место, где можно прыгнуть, на общественном транспорте не доедешь. Машины же у меня не было. Может показаться смешным, что человек будет сильно расстраиваться из-за подобных вроде бы глупостей. Но я определяю наполненность своей жизни именно наличием в ней таких вот захватывающих эпизодов. Ими я делаю пометки на полях существования. Они – вроде как физические доказательства того, что я живу. И в этот раз я приехала в Штаты с планами сделать такие пометки. Планы рухнули, и я осталась обыденным печатным знаком, неотличимым от остального текста.

Если вы подумали, что на этом заканчиваются мои проблемы – и всего-то? – то вы ошиблись. Обрушились еще и другие надежды на будущее, более глобального характера – исчезло представление об этом самом будущем. Все мои прикидки и наметки, пусть и не однозначные, основывались на уверенности, что я могу распоряжаться своей жизнью как вздумается, потому что деньги мне, великовозрастной тетке, давали родители. Все равно у них полно, почему бы нет. Вот я и подумывала – то ли рисовать буду, то ли в журналистику подамся... Тут папина фирма неожиданно обанкротилась, и я поняла, что мне придется работать. Это было тем более горько, что на занятиях по акварели все теперь восхищались моим талантом.

И ведь это не самое главное. Главное – я собиралась закончить университет в течение ближайших двух месяцев и жить в Москве. А всем известно, что нормальную работу там можно получить только по связям. Я приходила в ужас, когда начинала думать об этом хотя бы чуть-чуть. Муж-студент, годовалый ребенок. Господи, что делать?

Моя приятельница Екка, дочь премьер-министра не то Башкирии, не то Таджикистана, грузинка по национальности и замужем за грузином – программистом с Wall Street'a, живущая то на вилле в Греции, то в одном из папиных особняков в Нью-Йорке, спросила своего московского двоюродного брата о работе для умного человечка с американским образованием (это меня). Тот сказал, что, к сожалению, команду уже набрал, и даже пирожки у него пекут дальние родственники, которых он привез из Тбилиси и спас от голода. Я смотрела на Екку, ее сына, который был старше моего всего на неделю, но уже говорил по-русски, по-английски и по-грузински (грузинский, говорила Екка, очень полезен ребенку, так как после него легко говорить по-французски); потом я вспомнила, что мне придется ходить в сберкассу, делать перерасчет квартплаты, устраивать ребенка в садик, сидеть в очередях в поликлинике – и мне становилось больно и горько.

С учебой у меня тоже перестало ладиться. Я не попала на биологию, но все равно ходила в лабораторию смотреть в микроскоп и резать неродившихся свинок, пропуская лекции по философии. Написала плохие работы по этой самой философии. Звонила мужу в Москву, ссорилась: муж пил. Не звонила ему неделю, жутко страдала. Позвонила – опять поссорились.

Подралась с братом. Разболелось горло. Чувство вины по поводу ребенка, целыми днями меня не видящего. Я приезжала вечером, перекладывала его спящего в свою кровать и плакала. С родителями был скандал, и я опять плакала, потому что папа даже не помнил, что шантажировал меня пять лет назад – грозился вообще не оплатить образование, если я не пойду учиться бизнесу. И мне приходилось его обманывать, притворяться, что собираюсь на бизнес, но занимаюсь философией, поскольку в первые два года специальность якобы не выбирают. А теперь папа говорил – да кто тебе запрещал учиться на художника?! Ты сама в философию пошла, видишь – никто тебя не останавливал... Я рыдала крокодильими слезами, так было обидно. Я спустила жизнь в унитаз, а он даже не помнил, что был этому причиной!?

Мне теперь даже не с кем было поделиться; я приехала в Нью-Йорк, провела больше года в Москве, и друзья куда-то подевались. Встречала знакомых, которые получали или уже получили диплом магистра, а я доучиваюсь на вшивого бакалавра, так как была в академическом отпуске. И за этот год в одиночестве с грудным ребенком и мужем в загулах отстала от жизни и привыкла чувствовать себя ущербной. Наткнулась на Ритку, бывшую провинциалочку из Минска, восторженную, глупую, в дешевых платьях китайского производства, на которую я, красавица и интеллектуалка, раньше смотрела свысока. Сейчас она строгая, в очках и костюмах, полная достоинства – работает в генетике, раздумывает, защищать ли докторскую.

И вот, наконец, последняя капля. У меня при рутинном обследовании обнаружили в щитовидной железе кисту размером три с половиной сантиметра. Представители американской медицины сказали, что щитовидку надо удалить. Лучше именно не кисту, а сам орган. Вдруг злокачественная? Если вырезать только кисту, всегда есть

опасность, что до конца не вычистят, какую-то часть измененных тканей оставят. Когда у меня от ужаса ослабели колени и я осела на стул, как мешок с мягким материалом, медсестра доверительно и ласково отвернула горловину своего свитера. Шею ее опоясывал длинный шрам.

— Вот видишь, — весело сообщила она. — Ничего особенного. Мне щитовидку удалили уже пять лет назад — и ничего не изменилось. Просто будешь пить гормон каждое утро, и все.

И все. Ничего особенного. Но моя мысль, сама себя боясь, осторожно разматывается и нащупывает возможное будущее (хотя мне оно уже видится неизбежным): я — инвалид. У меня не будет жизненно важного органа. Я буду поддерживать свою жизнь ежедневным глотанием таблеток. А если я попаду в экстремальную ситуацию, таблеток не окажется — и тогда... Кроме того, я только прочитала статью о том, что в России совсем нет гормона роста, необходимого людям, больным карликовостью. А тот, который можно достать, стоит тысячи долларов. Что, если гормона щитовидной железы в России тоже нет? Я буду обречена на медленную смерть...

Волосы у меня на голове шевелились, когда я, дрожащими пальцами опустив стаканчик с кофе на стол, звонила по мобильному в Москву, несмотря на то, что два с половиной доллара в минуту, и, подывая, рассказывала про беду. Надеялась ее закодловать или сглазить в обратную сторону: вот я сейчас про нее расскажу, а она и исчезнет. Или, по крайней мере, окажется не такой страшной, видоизменится, сморщится. Муж, однако, не выказывает понимания: он не верит в существование ни одной болезни в мире.

Я уже поняла, что больше не смогу объяснять себе происходящее, ссылаясь на полосатость жизни, на то, что всякому нужно пройти через испытания, и уж во всяком случае мне, избалованной девочкой — точно... Все мои маленькие и большие неприятности, все детали происходящего помимо моей воли начали сползаться, устанавливаться на места и формировать логическую цепочку. Я отмахивалась, как могла. Но, не дав еще остыть второй чашке кофе, мысль все-таки исхитрилась и обнаружила себя на поверхности моего сознания. «Меня наказывают», — подумала я. — Это все неспроста.»

Надо вам сказать, я всегда была убежденной атеисткой. Снисходительно относилась к верующим и веряющим в существование чего угодно сверхъестественного. А сейчас я всего лишь за минуту приняла как данное: все-таки какой-то порядок существует. Бог или карма — это не столь важно. Главное я поняла — меня наказывают. Теперь надо понять — за что. И я начала перебирать лихорадочно, что же я такого плохого сделала. Да, я многих обижала, не без этого. Но в разумных пределах — не больше, чем всякий нормальный человек. Пересматриваю свои отношения с близкими: сына я обожаю. С родителями вижусь раз в полгода — обидеть не успеваю. Муж? Он меня во сто раз больше обижает, нежели я его. Свекровь...

Я, кажется, нашла. Со свекровью у меня всегда были странные отношения, любви-ненависти. Периоды задушевных разговоров сменялись бойкотами длиной в несколько месяцев. Недавно она

заболела. Да, точно — скорее всего, это из-за нее. Но легче мне от этого потенциального ответа на вопрос не стало. Как узнать, правильный ли, в самом деле, ответ? Да и не на сто процентов я была уверена, что правилен вопрос.

Я продолжала метаться по кампусу. На фиолетовое кафе родного Нью-Йоркского Университета смотреть уже не могла — и вкус его кофе опротивел. В животе посасывало; я купила сувлаки из ягненка на лепешке, но проглотить не смогла ни куска. Не удавалось усидеть на месте; я стала ходить быстрым шагом, смотреть на людей — жадно, испытывающе, как будто они могли мне что-то подсказать. Никто со мной не заговаривал, а я бы хотела. Зато когда не надо, когда сидишь и занимаешься, чуть не десять человек подойдет... Я не знала, что делать и что думать.

Так прошли два дня. Меня постоянно подташнивало от булькающей внутри кашеобразной гущи, в которую сконденсировались мои несчастья. Я старалась занять мыслительные процессы чем-то посторонним, имеющим как можно более отдаленное отношение ко мне и моей внутренней жизни. Разглядывала любопытных персонажей, рекламные постеры, вывески, думала о предстоящей работе по метафизике. Остановилась у доски объявлений в университетской библиотеке. Looking for a roommate, уроки китайского, услуги переводчика, продам учебники, союз голубых, секта христианского возрождения, вечеринки Пи Бета Каппа, Клуб Азиатского Наследия (бесплатная еда по пятницам), клуб поэтов, клуб атеистов, ежемесячный журнал по социологии... Стоп. Клуб атеистов. Встречается сегодня в шесть — здание факультета антропологии. Такого мы еще не видели. Как и любому другому меньшинству, политкорректно предоставили время и место атеистам. Надо же, такие еще существуют. Надо обязательно сходить и посмотреть на своих единомышленников, а то я их ни разу в жизни, по-моему, не видела. И уже давно стало казаться, что я психически больна, раз все вокруг в бoga верят, а я одна не верю. Или сейчас это уже не актуально — я уже вроде и не атеист? Все равно надо посмотреть.

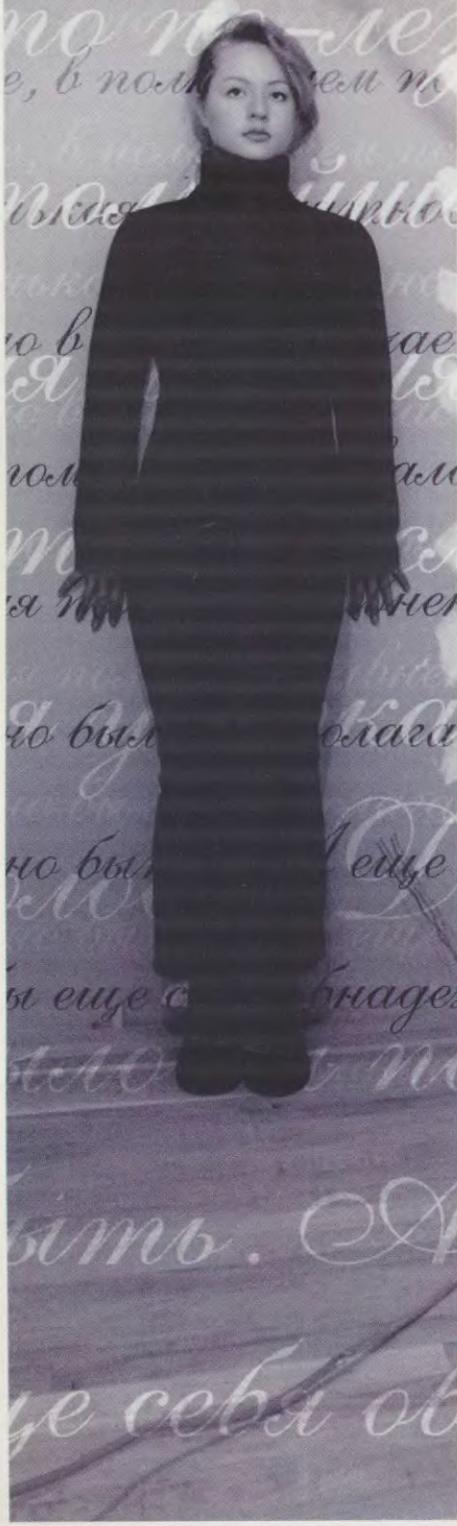
К шести я пришла на факультет антропологии, поднялась на пятый этаж. Вот какое помещение они выделили атеистам — четыре дивана в крошечном коридорчике. Я была одна; достала книгу и стала читать.

В двадцать минут седьмого, когда я уже собиралась уходить, появились двое. Плещивенький в круглых очках лет двадцати пяти, классический «ботаник», и парень помоложе, в драных, перемотанных скотчем кедах, со взъерошенными волосами и пустым рюкзаком, болтающимся за спиной сдутым пузырем. Усевшись напротив меня, они поздоровались и надолго замолчали. В ситуации, где люди ведут себя пассивно и не разбирают социальные роли, я всегда начинаю действовать.

— Это клуб атеистов? — спрашивала. — Я в первый раз. А вообще много людей ходят?

Тот, который в кедах, ответил:

— Иногда бывает больше. Особенно когда бесплатная еда. Нам на нее денег мало выделяют, правда. Вот, у меня и сейчас есть — полезно для здоровья.

Он достал из рюкзака батончики в хрустящих обертках и выложил на маленький столик. Мы с очкариком взяли по одному. Батончики, говорилось на обертке, сделаны из зерен и сушеных фруктов. Молча пожевали.

– Ну, ладно, – приступил парень в кедах (он, видимо, выполнял функции организатора.) – Вот тебе анкета, заполни. Меня зовут Тим Доуни.

– Я Марина Смородинова, – представилась я и начала заполнять анкету.

– А я Леонард Коэн, можно Лео, – сказал очкарик. Все опять замолчали.

Начав терять терпение, я приступила:

– Вы, когда собираетесь, об атеизме говорите?

Тим пожал плечами:

– Да о чем угодно говорим – о чем разговор завязывается. Еще планы обсуждаем. Мы выпускаем атеистический листок, рассылаем по и-мейлу. Вот у нас скоро будут дебаты с христианским клубом, ты приходи обязательно.

Снова возникла пауза. Я не знала, что сказать. Коллеги-атеисты сидели спокойно, покачивали ногами. Тим выглядел так, словно сидеть и ничего не делать – самое что ни на есть поглощающее занятие, а особенная невыразительность маленьких бесцветных глазок Лео подсказывала, что спрятавшийся за ними хозяин и вовсе блуждает в других мирах. Он, наконец, вернулся и поддержал разговор:

– А ты хотела об атеизме поговорить?

– Ну да – иначе зачем бы я сюда пришла?

– Мы обычно рассказываем, когда приходим в клуб, что нас привело к атеизму.

Последовали выжидающие взгляды в мою сторону.

– Про меня и так можно догадаться. – Я устроилась поудобнее, довольная тем, что беседа все-таки возникает. – Выросла в Советском Союзе, о религии знала только, что она является опиумом для народа. Это Ленин так говорил. Ну и самые простые вещи – религия, это когда в бога верят и в церковь ходят. Потом, уже когда с религией можно было поближе познакомиться, у меня такого желания не возникло. В общем, не случилось ничего, что могло бы привести меня к каким-то таким идеям... А как насчет вас?

Теперь была моя очередь смотреть испытуемое. Вообще, наш разговор своей церемонностью и деловитостью очень напоминал какую-то официальную сессию, состоящую из взаимных вопросов и ответов и словно имеющую целью быть запротоколированной в отчетности, вне зависимости от содержательности произошедшего. Тим откашлялся, рассмотрел один из своих кедов, проверив на прочность скотч путем потягивания за отклеившийся конец, потом взъерошил волосы растопыренными пальцами и рассказал:

– У меня родители были хиппи, жили в коммунах по всей стране. Они мне никаких убеждений не называли. Сказали – хочешь, верь в бога, не хочешь – не верь. Как сам решишь. Я не нашел ничего, что убедило бы меня в существовании бога хоть чуть-чуть.

Говорил он веско и с достоинством. Лет ему, наверное, было около восемнадцати. Закончив, он, в свою очередь, посмотрел на Лео. Тот серьезно, как на интервью, продолжил:

– У меня все не так просто. У меня с семьей проблемы из-за того, что я атеист. Я еврей, но отверг иудаизм. Уже не помню, я, по-моему, с детства его не принимал. А потом стал заниматься теоретической физикой – физика не очень-то вяжется с верой. Теперь как ни семейный обед, так какая-нибудь неприятная история.

Редкие рыженькие волосики Лео растрепались; он стал похож на худенького, трогательного кролика, хотя был вовсе не худеньким. Я отчего-то вдруг умилилась до слез, как старуха; помолчала, блаженным взглядом приkleившись к Лео, и внезапно выпалила то, что все время вертелось у меня в голове и преследовало меня:

– А у меня кризис. Я, кажется, начинаю верить в бога.

Тим и Лео оживились:

– Почему?

Я ощутила, что в голосе у меня сейчас появятся жалобные, плаксивые нотки – и не ошиблась.

– Да у меня жизнь буквально за несколько дней рассыпалась – по всем направлениям. Вот я и подумала, что это меня бог наказывает.

Тим и Лео отнеслись к моим словам по-деловому, как к любопытной научной информации.

– Ну, это еще ни о чем не говорит, – резонно заметил Тим. – Жизнь у всех когда-нибудь рассыпается, и только немногие готовы принять за это ответственность, а не перепихивать ее на бога.

– Ты не совсем прав, – перебил Лео, поправив очки. – Такие люди тоже, в своем роде, принимают ответственность на себя, когда считают, что бог их наказывает. Они согрешили – за это наказание.

Тим поморщился:

– Это понятно. Но все же это не та ответственность. Это мнимая ответственность, иллюзорная. Настоящая ответственность – это когда человек силен настолько, что может себе признаться: от него в жизни зависит очень мало, а в том малом, что все-таки зависит, он все прохлопал ушами, оказался трусом, и ни хрена у него поэтому не получилось.

Я насупилась:

– То есть в том, что у меня все развалилось, я сама виновата.

– Это надо по пунктам разобрать, чтобы можно было хоть сколько-нибудь определенно сказать. – Когда Лео говорил, глаза его следовали по определенной траектории: быстрые взгляды на обоих собеседников, потом по всему периметру помещения, потом – небольшая остановка где-то внутри себя. – Так сразу сложно ответить. Ты пример можешь привести, если не очень личное?

Я откинулась на спинку дивана, приготовившись к содержательной беседе:

– Да я могу и личное рассказать – что тут такого. Вот, к примеру, я уже два года замужем. Отношения с мужем становятся все хуже и хуже, хотя я изо всех сил пытаюсь их улучшить и все время оправдываю мужа в своих глазах – и его пьянство, и гуляния, и мизантропические настроения, когда он со мной по пять дней не разговаривает без всякой причины.

Мои собеседники слушали внимательно, но отстраненно и безучастно, будто опытные и уставшие от жизни врачи. Как раз эта отстраненность и подбадривала меня, давая уверенность в объек-

тивности слушателей. Я продолжала:

– Я теперь вообще-то в Москве живу – сюда привлекла доучиться последний семестр. И с этой последней поездкой очень много связывала. А между тем ни одна моя надежда не оправдалась. Начиная с мелочей, у меня ничего не выходит, разочарование за разочарованием. Самое глобальное: с осени я собиралась учиться на художника, и выяснилось, что не смогу – средств нет. Вместо этого нужно будет работать. Это для меня – удар. Я выразительно вскинула глаза, приложив к своим словам, на случай их недостаточной убедительности, некий пронзительный, душепитательный эффект. Но мои собеседники, похоже, не сильно впечатлились. Тим скептически пожал плечами:

– Не вижу ничего особенного. Извини, конечно, но у меня такое постоянно. Деньги хронически отсутствуют, приходится себе во многом отказывать. Но я привык уже, и ты привыкнешь. Это жизнь, вот и все.

Мне стало обидно. То есть я всего лишь избалованная маленькая стерва, и поэтому ко мне можно снисходительно относиться. Впрочем, может быть, я просто не умею адекватно передать происходящее со мной, и оттого мои беды кажутся им племяшами?

– Это еще не все, – добавила я, стараясь скрыть возмущение. – У меня в организме нашли один дефект, придется делать операцию и всю жизнь жить на таблетках.

К концу предложения мой голос выдал попискивающую трель – так себя стало жалко. Я предчувствовала еще одно неумолимое замечание в свой адрес.

– I'm sorry, – посочувствовал Тим. – В этом хорошего, конечно, ничего нет, но я все равно не вижу логики в твоем решении, что это рука бога.

Я растерялась. Быстроенько порылась в архиве своих размышлений: как я достигла данного вывода? Не сумев воспроизвести ход мыслей, приведший к этому важному заключению, я пробормотала:

– Ну как... Взять хотя бы то, что все со мной случилось одновременно, как лавина – словно бы специально, чтобы навести на мысль.

Видимо, это прозвучало глупее, чем содержалось в моей голове: Тим и Лео улыбнулись, совсем уже не официально, переглянувшись понимающе.

– Я как учений могу сказать, – начал Лео, – что это всего лишь совпадение. Гораздо больше нужно для того, чтобы вывести закономерность. Это человеческий мозг все время пытается подвести все к системе. Два раза увидел одно и то же – значит, закон. Ты вот философию изучаешь, помнишь, Юм говорил: если солнце уже двадцать веков подряд вставало каждый день над Землей, отсюда еще не следует, что оно встанет завтра. Вероятно, что встанет, но не больше. В мире гораздо больше хаоса, чем нам кажется.

Я задумалась. Да, действительно, чего это я расписала. Тоже мне. Стыдно даже. И что только они обо мне подумают: не получилось что-то, а она нюни распускает. Мне на самом деле стало стыдно, и беды мои сейчас показались смешными и жалкими.

Нет, подумала я, не могут они быть смешными.

И начала освежать их в памяти. Воспоминание о щитовидке вызвало неприятное посасывание в желудке, а неисполнившееся художественное будущее защищало в глазах. Я сделала последнюю попытку воспринять себя серьезно:

– Но ведь...

Не успела ничего сказать, как мысль услужливо подсунула образы людей, страдания которых в сравнение не идут с моими: изувеченных, умирающих от голода. Даже если не брать в пример детей в Сомали, можно вспомнить кого-то из мира благополучия – хоть Стивена Хоукинса, всемирно известного физика. Он ведь последовательно потерял все двигательные функции, потом голос, частично зрение, и ведь не прекращает работать, пишет книги, выступает. Да что там далеко ходить: взять мою бывшую одноклассницу. С ней постоянно случаются казусы: каждый месяц то перелом, то воспаление легких, то нежелательная беременность; потом почки отказывают, ее лечат и заодно вытравливают на этот раз желанного ребенка, о котором понятия никто не имел... А на вид она пытается здоровьем и к богу не обращается – сказывается природный оптимизм.

Оказывается, пока я задумалась, разговор между мной и членами клуба продолжался. Лео говорил: – ...и твои «грехи», или проступки, и твоё «наказание» кажутся тебе взаимосвязанными только потому, что это ты сама связываешь эти вещи. Они же друг к другу не имеют отношения. Ты, как любой человек с моральными принципами, не забываешь о своих проступках, а продолжаешь о них помнить. И есть вероятность, что подсознательно ты провоцируешь «наказание», которое и следует. Но даже если не так, даже если допустить, что не провоцируешь... Ты, скорее всего, и раньше какие-то проступки совершила, но не думала о наказании, потому что неприятностей особых у тебя не было. А подумала только сейчас, когда что-то плохое случилось, а осадок от проступков еще не улегся. Вот тебе и связь.

Лео поправил очки на носу и близоруко сощурился в дальнее окошко. Тим взъерошил волосы патерней и высказался напоследок:

– И вообще, человек, не испорченный религиозными идеями, от которых попросту никуда не деться – так их настойчиво пропагандируют – такой человек не станет видеть наказание в неприятностях. Если ты набил кому-то морду, а на следующий день кто-то другой набил тебе – в этом не обязательно видеть карму. Можно увидеть иронию. Отнесись с юмором. У тебя с юмором как? Можно подивиться злорадству жизни, символичности – уж не знаю... Но, во всяком случае, простор для фантазии есть. И каждый увидит то, что он уже привык видеть, или приучен.

Это простая, но красавая идея; как раз такая, какая подошла бы мне, с моим высоколобым снобизмом. Я бы хотела, чтобы она была моей, и немножко завидую. А еще мне стыдно, что я – циферка в таком элементарном уравнении. Я захихикала в смущении. Не в силах остановиться, я хихикала еще громче, попискивая, похрюкивая, сбиваясь от накопившегося за эти долгие дни напряжения. Тим и Лео, сначала лишь улыбавшиеся понимающе, присоединились. От этого стало еще смешнее – ведь разговор они вели обстоятельно и деловито, как и подобает вести себя аме-

риканцам с малознакомыми людьми.

– Oh, look at the time! – сказала я наконец и вскочила, начав горячо и искренне благодарить двух своих случайных, сдержаных и церемонных знакомых, и не подозревавших, возможно, насколько важным было их невольное вмешательство в мою жизнь. Мне нужно было бежать домой к нашей славистке, на занятие по литературе.

Я бежала, холодный весенний воздух молнией расстигался передо мной и пылающими складками вонзился в дома по обе стороны улицы. Моя стремительная радость дергала за головы прохожих, разворачивала шеи, распахивала рты... Я влетела по узкой лесенке в квартиру.

На столе был сыр, виноград, вино, дамплинги с креветками и сливовый соус – вот тебе и занятие по литературе. Набивая рот виноградом, закашливаясь, захлебываясь клокочущим внутри счастьем, я стала рассказывать своим русскоязычным и потому близким одноклассникам о том, что сейчас испытала: физически ощущаемую смену мировоззрений. Ведь вот казалось бы, какая разница, что ты думаешь по поводу того, как устроен мир. То есть разница есть, но неужели она может так непосредственно влиять на твою повседневную жизнь? Всего лишь час назад я будто проваливалась в слизь какого-то хищного животного, которое этой слизью хотело переварить меня, еще не съев, а потом лишь употребить мои питательные вещества, не затратив усилий. А вот сейчас я безбрежно счастлива, я готова этим счастьем делиться, дать всем макнуть в него свою жизнь, как в сливовый соус... Но одноклассники не поняли меня. У них на шее висели золотые кулончики; у одного – крестик, у остальных – шестиконечные звезды.

Я довольно посмеивалась и поедала дамплинги. Мне снова было комфортно в самой себе. Что ни говори, а такой счастливый эффект могло возыметь и обратное – принятие веры. Кому как. Некоторым легче быть с миром наедине, а кому-то надо воспитателя. Вон Дина сидит – даже к еде не притронулась, пока не получила персональное разрешение от профессорши.

Через неделю я опять пришла в клуб атеистов. К нашей троице присоединился еще один человечек. Разговор совсем не клеился. Тим в который раз недоуменно спросил, почему у меня нет и-мейла – зачем он будет посыпать моему брату атеистический листок, когда так просто завести собственный адрес. Лео объяснил ему терпеливо, что this makes sense*, что некоторые люди не пользуются электронной почтой, а если очень надо, дают адреса родственников. Я начала зевать и поглядывать на свой рюкзак, где меня ждали три недочитанные книги.

Вышла, заметив по часам, что всего только час потеряла. Пусть дальше обсуждают проблемы владения электронными адресами. В холле факультета антропологии остановилась у доски объявлений – вдруг интересные лекции будут. На одном прочла: «на следующей неделе всем желающим совершить прыжок с парашютом в красивой местности собраться у Main Building в очередь к автобусу, захватив сто долларов и студенческую идентификационную карту».

* Это разумно

